

А.Е. Аникин

О ЯКУТСКИХ НАЗВАНИЯХ “ДИКИХ ЛЮДЕЙ”

Имеющиеся сведения о “диких людях” на северо-востоке Сибири относятся в основном к области фольклора. Однако его носители, а вслед за ними некоторые этнографы нередко усматривали в соответствующих фольклорных источниках (легендах и т.п.) реальную основу. В этом случае предполагалось, что в наиболее глухих углах Якутии, главным образом на ее севере, до недавнего времени встречались некие человекообразные существа.

При известном разнообразии описаний облика таких существ преобладают указания на их нечленораздельную речь, длинные волосы, покрытое шерстью тело необычного цвета, одежду из звериных шкур, способность быстро бегать, громко свистеть и т.п. Претендующие на реальность черты смыкаются с явно фантастическими, например, отсутствием головы.

Ниже приводятся лексикологические замечания к некоторым якутским диалектным названиям “диких людей”.

Слово *мүдүөн* ‘мюлен, разновидность дикого человека, нечистый дух’ Е.И. Коркина приводит как одно из характерных для индигирского

---

¹⁸ Стеблева И.В. Поэзия древних тюрков, с. 118.

¹⁹ В общей сложности упомянуты шесть боевых скакунов, убитых под Кюль-Тегином.

говора якутского языка. Она считает его заимствованием из эвенского языка, что следует из сравнения с эвен. *миэлэн*- 'мстить' (Жоркина 1992: 171–172). Это сравнение не очень понятно семантически и сомнительно фонетически, поскольку оставляет без объяснения огубленный вокализм якутского диалектизма.

Этому диалектизму, несомненно, тождественно встречающееся в лингвистической, этнографической и краеведческой литературе на русском языке слово *мюлен* 'дикий человек' (например, у Е.И. Коркиной, см. выше). Вполне возможно, что это или подобное слово было известно русским старожилам севера Якутии на Яне, Индигирке, Колыме, Лене или, по крайней мере, какой-то части этих обитателей "полярной Руси", разбросанной "обрывками и островками по устьям больших сибирских рек" (Богораз 1928: 361). Следует иметь в виду, что рассказы о "диких людях" фиксировались у русских на Индигирке, нижней Лене, Яне, Колыме (ФРУ: 319). Есть основания думать, что слово типа *мюлен* было известно и отдельным группам тунгусов: "аяно-нельканские тунгусы мюленами называют диких людей, обитающих в хребте Джугджур или Джунгджур" (П.Л. Драверт, см. Гурвич 1975: 9). В источниках по якутской лексике как будто не отражен еще один вариант рассматриваемого слова, приблизительно переданный И.С. Гурвичем в виде *бюлюн*: "В верхоянских наслгах были распространены рассказы о *мюленах-бюлюнах* (врагах)" (Гурвич 1975: 59).

Речь, вероятно, о якут. *бүлүн* или, скорее, *бүлүүн* (*бүлүүөн?*), близком по значению к *мүлүүөн*.

Текстовыми иллюстрациями к якут. *мүлүүөн* у Е.И. Коркиной служат цитаты из Николая Абыйчанина: *Мүлүүөннэр уонна сээдьэктэр уоттан уонна ууттан наһаа куттаналлар* 'Мюлены и духи гор очень боятся огня и воды'; *Биир да чучунаа, биир да мүлүүөн, биир да сээдьэк хаһан да үөскээбэтин!* 'Пусть никогда не будет ни одного чучуна, ни одного мюлена, ни одного горного духа!' (Жоркина 1992: 171–172). Эти цитаты интересны кроме прочего тем, что содержат указание на два других якутских диалектных названия полуфантастических существ, к которым принадлежит и *мүлүүөн-мюлен*. Предлагаемое ниже объяснение этого слова уместно предварить небольшой справкой о происхождении (более или менее ясном) и денотатах слов *чучунаа* и *сээдьэк*.

Якут. *чучуна*, *чучунаа*, *чучна* 'дикий человек или одичавший беглец' (Пекарский: 3701; Худяков 1969: 81), *чочунаа* и др. фольк. 'дикарь' (ДСЯЯ: 301), *чучунаа*, *чочунаа*, *кучунаа* 'обитатель тундры фантастического облика (голова срослась с туловищем; при еде проталкивает пищу

плечами)' (Окладников 1949: 85, 99–100; Николаев 1961: 56–57) объясняется как тунгусское заимствование, ср. эвенк. *сучанā, һучанā, чучанā* 'беглец', производные с суффиксом *-nā* от *суча-, һуча-, чуча-* 'ускользнуть, убежать, скрыться (от преследования), спастись (бегством)' (ДСЯЯ: 301; ТМС 2: 132).

В отношении словообразования ср. эвенк. *туксанā* 'беглец' от *тукса* 'убежать' (см. подробнее Болдырев 1987: 136–137). Быстрота бега, стремление укрыться – одни из наиболее характерных признаков "дикого человека".

Как и в случае с *мүлүөн*, следует считаться с тем, что слово *чучуна(a)* было известно русским старожилам Якутии. Не исключено, что это слово прошло через русскую обработку, следствием которой и стало доминирование варианта с начальным *ч-*, т.е. *чучуна(a)*. Следы вариантов с анлаутными *с-/һ-*, которые ожидалось бы исходя из тунгусских форм *сучанā, һучанā*, в якутских диалектах, судя по имеющимся источникам, неизвестны. В русском же подобное слово вполне могло контаминировать со словом *чуча* 'первобытный народ' (Даль 4: 616), которое является вторичным преобразованием этнонима *чудь* в значении 'народ-дикарь' (о семантике и происхождении этого этнонима см. подробнее Фасмер 4: 378). Поскольку обычным русским синонимом якут. *чучунаа* является выражение *худой чукча* (Гурвич 1975: 69, 73), не исключено также, что на облик слова *чучунаа* повлиял и этноним *чукча*, происходящий из источника, косвенно связанного с чукот. *чавчыв* 'чукча-оленеvod'.

При объяснении слова *чучунаа* следует считаться также с возможностью его фонетических преобразований в якутском, например, через дистантную регрессивную ассимиляцию типа *һ-/с-...ч- > ч-/ч-...ч*, т.е. **сучунаа / *һучунаа > чучунаа*.

Якут. диал. (Индигирка, Яна) *сээдьэк, һээйэк* 'дикий человек, злой дух' (в отличие от *чучунаа* обозначает преимущественно горное, а не тундренное существо) происходит из эвенк. *һэјэк* 'злой дух', также 'фантастическое существо, бродящее по горам с копьем' (Жоркина 1992: 108). Существенно этнонимическое употребление этого термина, который по эвенским диалектам может обозначать также коряка, ительмена, чукчу (ТМС 2: 361). Чужеродцы, иноземцы в различных языковых традициях (не обязательно сибирских) нередко обозначаются словами, которые обозначают также разного рода чудовищ. Так, название многоголового сказочного чудовища-людоеда типа бур. *мангад* в ряде монгольских диалектов приобрело значение 'русский' (Janhunen 1997: 161–

162). Ненецкое *луца* 'русский', будучи заимствовано в тунгусо-маньчжурские языки, контаминировало с названием демона, заимствованным из кит. *luocha* (< санскр. *rakshas*), ср. маньчж. *лоча* 'русский', 'демон' (Janhunen: там же; ср. ТМС 1: 506, 513).

"Омуки", т.е. чужеродцы-неякуты (ср. якут. *омук* в значении 'чужой, чужеродец, иноземец', 'тунгус, ламут', 'юкагир', 'чукча'), особенно те, что обитали на краю ойкумены, нередко наделялись у якутов фантастическими свойствами (полностью или во многом совпадавшими со свойствами чучуна и мяленов), представляя в фольклорных произведениях, например, как людоеды – не то люди, не то звери без голов, с ртом и глазами на груди (Николаев 1961: 55, 60).

Представляется, что якут. диал. *мүлүөн* происходит из тунгусского источника типа эвен. *булэн*, *булэн*, *булун* 'враг, неприятель', (некогда) 'юкагир', эвенк. *булэн* 'враг' (ТМС 1: 109–110); предлагаемое здесь сравнение тунгусского слова с др.-тюрк. *bulun* 'пленник' не кажется убедительным). Указанный тунгусский источник, по всей видимости, удовлетворяет фонетическим особенностям якутского диалектизма (тунг. *булэн* или *булэн* > якут. *büliän > *мүлүөн*), а также упомянутого выше якутского слова ("в верхоянских наслегах") *бюлюн* = *бүлү(ү)н* или *бүлүөн* 'враг'. В плане семантики существенно (помимо сказанного выше), что, по данным Г.Н. Курилова, эвены Оймякона считали юкагиров "дикими людьми".

Не лишен интереса тот факт, что якутское название северного сияния *дьукээбил уота*, букв. 'огонь юкагира', вероятно, калькирует эвен. фольк. *булэн тоуэн* 'северное сияние' (= 'огонь юкагира'), которое, в свою очередь, могло возникнуть под юкагирским влиянием, ср. юкаг. (тундр.) *алайиин лачипэ*, букв. 'алайские огни' (*алайиин* 'алаец, юкагир', *лачил* 'огонь', см. ЮРС: 23; ТМС 1: 110).

К приведенным выше якутским названиям дикого человека примыкает якут. (индигирский говор) *сир чукчата* 'сказочный дикий человек' (ДСЯС: 173), которое, по всей вероятности, является калькой с русско-индигирского *сендушный чукча* или просто *сендушный* 'леший, мифический хозяин тундры' (Чикачев 1990: 160). Значение русского слова может быть результатом сложного взаимодействия разнородных мифопоэтических представлений: адаптированного к жизни в тундре восточнославянского образа лешего; возникшего уже на Индигирке в условиях интерференции с якутским, юкагирским и тунгусским окружением образа "хозяина" тундры (ср. якут. *иччи* как название "хозяина" любого предмета и явления природы, а также сходные факты в других языках

Сибири) и, наконец, полуфантастического образа дикого обитателя тундры – “худого чукчи”, чучуна. Первоначально выражение *сендушный* (*чукча*), вероятно, относилось именно к сторонящемуся людей, живущему в тундре без всякого пристанища “худому чукче”.

Слово *сендушный* образовано от этимологически неясного рус. диал. *сендуха* или *сентуха* ‘тундра, природа; место, где нет жилья’ и имеет коррелят в русско-колымском диалекте – *сентушной* (*человек*) ‘проводящий все время на открытом воздухе, кочевник’, ср. синонимичное полевой человек: *чукчи* – *полевые люди* (Богораз: 112, 139). Якутско-индигирское *сир чукчата* (где *сир* соответствует русскому *сендуха*) и русско-индигирское *сендушный* (*чукча*), несомненно, сложились под влиянием юкаг. (тундр.) *сукидьэврэй чупчэ* ‘чучуна, бродящий по сендухе чукча’, букв. ‘чукча, идущий наобум, по пустому, незаселенному месту’, *сукидьэврэйрукун* ‘бродяга’, ср. *сукидь-* < *сукинь-* ‘в поле находящийся’, *эврэй* ‘ходящий’, *рукун* < *сукун* ‘существо’ (Курилов 1977: 133; ЮРС: 265). Якут. *чукча* < рус. Из русского, вероятно, и юкаг. *чупчэ*, которое могло вытеснить более раннее заимствование непосредственно из чукотского, ср. юкаг. тундр. *чаача* ‘одна из групп оленных чукчей’ (ЮРС: 311).

Рассказы-легенды о “диких людях” в Якутии в свое время послужили для Б.Ф. Поршнева одним из оснований для гипотезы о сохранении на окраинах северо-восточной Евразии “реликтовых гоминоидов”, т.е. сохранившихся в труднодоступных местах до наших дней палеоантропов. Эта гипотеза справедливо была расценена как невероятная.

Имеющимся данным как будто удовлетворяет гипотеза И.С. Гурвича, согласно которой реальной основой для представлений о “диких людях” становились “охотники-зверобой с побережья крайнего северо-востока Сибири, потерпевшие бедствие” (Гурвич 1975: 90). Оказавшись в ловушке на льдине, оторванной от прибрежного льда, они могли, согласно И.С. Гурвичу, быть унесены довольно далеко на запад и здесь оказаться в положении отверженных, воспринимаемых местными жителями как “дикие люди”. Вместе с тем, Гурвич допускал, что “на сложение легенд о чучуне, мюлене повлияли также предания о предшественном населении, мифы, сказки” (Гурвич 1975: 91–92), легко обраставшие невероятными подробностями по принципу “...остуруойа олуһа, сэхэн баһаама” ‘...небылицы сказок и раздувание легенд’ (Николаев 1961: 47).

Оценка гипотезы И.С. Гурвича – дело этнографов. Языковые же данные, т.е. обозначения “диких людей”, по всей видимости, указывают

на то, что без этой гипотезы можно обойтись. Выражения *мулүөн, чучунаа, сээдьэк, худой чукча, сендушный чукча, сир чукчата* и другие названия "диких людей" в языках севера Якутии первоначально являлись, скорее всего, ничем иным как обозначениями враждебных иноплеменников.

Представляется оправданным предположение И.С. Гурвича о том, что некоторые из фантастических свойств, приписываемых "диким людям", могут объясняться русским влиянием. Так, "безголовость" якутских *чучунаа* со ртом на груди и проталкивание ими пищи плечами (см. выше) явно не случайно совпадает с представлениями о самоедах, отразившихся в известном сочинении "О человецах незнаемых в восточной стране и о языцах розных", написанном еще до прихода русских в Сибирь: аки человеци, но без голов; рты у них меж плечима, а очи в грудех; иная самоядь такова: как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз (Гурвич 1975: 36; Титов 18–90: 4, 5). Правда, характер связи между русскими и якутскими легендами о безголовых людях (не говоря о других фольклорных мотивах, в частности, о людях, засыпающих на зиму), все же ясен не до конца, поскольку легенды о *чучунаа*, скорее всего, были известны у якутов еще до появления русских (И.С. Боло, см. Кузнецов 1996: 353). Удивительно, что баснословные сведения о безголовых, со ртом на груди, обитателях неведомых полнощных стран были распространены в средневековой (вплоть до XVI–XVII вв.) Европе (Алексеев: XXI, XXXVI, 12, 18, 106, 112, 113 и др.).

О якутских названиях "диких людей" см. также в книге автора настоящих заметок: Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков (Новосибирск, 1997: 404, 511, 708).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев – *Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей* / Предисл., ред., и коммент. М.П. Алексеева. Иркутск, 1941.

Богораз – *Богораз В.Г.* Областной словарь колымского русского наречия // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1901. Т. 6–8.

Богораз 1928 – *Богораз В.Г.* Союз молодых. Роман из северной жизни. М.-Л., 1928.

Болдырев 1987 – *Болдырев Б.В.* Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках. Новосибирск, 1987.

Гурвич 1975 – Гурвич И.С. Таинственный чучуна. История одного этнографического поиска. М., 1975.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М., 1955. Т. 1–4.

ДСЯС – Дialeктологический словарь языка саха. Дополнительный том / Сост. Воронкин М.С., Алексеев М.П., Васильев Ю.И. Новосибирск, 1995.

ДСЯЯ – Дialeктологический словарь якутского языка / Сост. Афанасьев П.С., Воронкин М.С., Алексеев М.П. М., 1968.

Коркина 1992 – Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск, 1992.

Кузнецов 1996 – Кузнецов М.П. География сакральных ландшафтов и оценка их роли в процессе восприятия коренными народами Больше- и Малоземельской тундры // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996.

Курилов 1977 – Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке. Л., 1977.

Николаев 1961 – Николаев С.И. К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Якутск, 1961.

Окладников 1949 – Окладников А.П. Исторические рассказы и легенды нижней Лены // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XI. Л., 1949.

Пекарский – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Б.м., 1958. Т. 1–3.

Титов 1890 – Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.

ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975–1977. Т. 1–2.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1–4.

ФРУ – Фольклор Русского Устья. Л., 1987.

Худяков 1969 – Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969.

Чикачев 1990 – Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990.

ЮРС – Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Якутск, 1990.

Janhunen 1997 – Janhunen J. The Russian Monsters. On the Etymology of an Ethnonymic complex // Studia Etymologica Cracovensia 2, 1997.